

Буцков читает:

„Приходите немедленно в Ревком.

Штерн.“

— Расскажите подробнее.

— Мы сегодня выступаем. Все уже подготовлено.

— Значит, переворот.

— Да.

2. Генерал бежит

Шесть часов утра. Квартира Розанова. Лакеи гасят огни. Гости уже разъехались.

Гостиная генерала имеет вид свалки. Осовелые лакеи безнадежно пытаются установить хотя бы относительный порядок среди разбросанных бутылок, фруктов и забытых частей мужского и дамского туалета.

Под роялем братски обнявшиеся лежат полковник Елисеев и забывший про чинопочитание подпоручик Зорин.

Немного дальше гвардейский поручик Велин ежится на находящейся под ним коробке из-под устриц и, вздрагивая от холода, прикрывается кончиком ковра.

Только в спальне Розанова еще два могикана: сам Розанов и полковник Бецкий. Лежащая на постели артистка Якубовская уже во власти Морфея и в счет не идет.

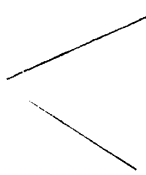
Бецкий — исключительно способный пьяница. Розанов — стратег. Вот почему турнир продолжается, хотя обоим стоит огромного труда держать открытыми отяжелевшие веки.

— Тридцать четвертая, ваше превосходительство! — произносит Бецкий, наполняя рюмки. Рука у него трясется, и коньяк льется на белую скатерть.

— У вас недолет, — рывкает генерал. — Заряжайте полнее.

Мутный взор его падает на лежащую на постели артистку.

— Отчего не пьет эта мадам?
— Испорченное орудие, ваше превосходительство!
— Убрать! Очистить поле! Уничтожить запасы!
Залп-пом пли! — и он швыряет наполненную рюмку на постель. Рюмка разбивается о стену.
— Перелет, ваше превосх-ик-тельство!
— Молчать! Стратегический маневр! Заряжайте еще!
Паххх... паххх... — явственно доносятся выстрелы.
Но ни Бецкий, ни Розанов их не слышат.
Трррр... — звонок в кабинете генерала.
— Кой чорт еще звонит?
— Ваше превосходительство, ваш адъютант из штаба, — докладывает вошедший слуга.
— Что такое? Из штаба? — генерал с трудом поднимается и при помощи лакея проходит в кабинет.
Голос из трубки:

— Ваше превосходительство. В городе восстание. Из Никольска, Фроловки и Сучана идут партизаны. Пехотный полк крепости вышел на подмогу партизанам. Жду распоряжений.

— Давайте брюки. Брюки, скорее!
— Что?
— А, чорт! Да не вам. Бецкий!
Но Бецкий не слышит. Он занят атакой мадемуазель Якубовской.
Выстрелы отдаленно:
Паххх... паххх... паххх...
Розанов, пошатываясь, одевает поверх белья халат.
К лакею:
— Машину, скорее!
— Шофера нет, ваше превосходительство.
— Тогда лошадь!
— Но, ваше превосходительство, кучер...
— Будешь вместо кучера. Скорей! Едем!
— Куда, ваше превосходительство?
— В японский штаб.

3. Таинственная угроза

— Сюда нельзя, господин! Уходите, — останавливает часовой Розанов, подъехавшего к зданию японского штаба.

— Пустите, я не могу мерзнуть.

— Нельзя! Моя стреляй!

— Я генерал Розанов. Немедленно доложите.

На свисток часового подходит другой. Первый объясняет второму, но второй скептик.

— Ваш документ, капитана. Моя игаян доложить.

— О, черт! Какие там документы. Я мерзну, сволочи, скорей! А то я вас всех...

Грозный голос генерала, общая суматоха в городе действуют на часовых, и те, наконец, открывают дверь. Внутри в штабе все уже на ногах. Таро, узнав генерала, крайне удивлен.

— Генерал, каким образом?

— Спасите меня! Мне надо бежать! Я сейчас же должен уехать из Владивостока.

— Хорошо! Я сделаю все возможное. Прежде всего, оденьтесь. Бой! Комплект обмундирования генералу.

Таро удаляется. Генерал снимает халат и замечает в боковом кармане четырехугольный конверт. Разрывает и:

Не пытайтесь бежать. От нас
не уйдете. До скорого свидания.
Клодель.

Постучав, в кабинет входит Таро.

— Все готово. Вам дадут лучшую машину, но на ваш собственный риск. Мы не советуем. В городе путаница.

— Я не могу ехать. За мною следят. Вот — видите. Он протягивает Таро записку.

— О, черт! Все это Клодель. Что ему надо? Но мы с ним покончим. О-Ой поручил это дело Мак-Ван-Смиту.

— Это кто?

— Наш лучший сыщик.

— Это хорошо, но я... я ведь не могу тут остаться... Мне надо уехать.

— Мы вас спрячем на несколько дней, пока положение выяснится. А хотите, я дам вам записку к Мак-Ван-Смиту. Он вам поможет.

— Пожалуйста, буду вам очень обязан.

Угол улицы. Две фигуры:

— Где он сейчас?

— В здании японского штаба.

— Записка получена?

— Да.

— Сведения?

— Собирается бежать.

— Когда?

— Завтра, вероятно, вечером.

— Еще?

— Он хочет обратиться за содействием к Мак-Ван-Смиту. Ха-ха!

— Ха-ха! Значит, завтра вечером.

— Иес!

4. Современный Холмс

Палец на кнопке:

... Тррррр...

Где-то внутри здания молоточек звонка:

... Тррррр...

В полутемном кабинете сидящий за столом человек наклоняется к черному ящику, лежащему на столе. Смотрит и видит:

У дверей двое.
Один в генеральской
форме, другой в форме
поручика. Оба русской ар-
мии. Немного дальше автомо-
биль. Вокруг него возится
шофер
.

— Впустите! — распоряжается человек за столом.
Немая мумия, сидящая в углу комнаты, оживает, принимает вид китайца и бесшумно выскальзывает из комнаты.
У дверей генерал Розанов и его личный адъютант. На дверях крошечная дощечка. Черным по белому:

Доктор медицины
Мак-Ван-Смит.

— Я имею удовольствие видеть доктора Мак-Ван-Смита? — спрашивает генерал.

С неприязнью, смешанной с любопытством, он осматривает вставшего к нему навстречу среднего роста человека с желтым, застывшим лицом.

— Это я! Вы только-что прибыли ко мне на автомобиле фирмы „Бенц“. Передний фонарь автомобиля разбит.

— Позвольте, каким образом? — вне себя от удивления восклицает адъютант.

— Для дедукции нет ничего невозможного! — отвечает Мак-Ван-Смит. Пристальный взгляд его серых глаз пронизывает кончик генеральского сапога.

— У вашего шофера красный нос: вероятно, много пьет; сегодня у него флюс и завязана щека.

Генерал с недоумением смотрит на свой сапог.

— Простите, но я очень тороплюсь, и дело у меня неотложное.

— Я вас слушаю.

— На меня готовится покушение. Я получил это...

Генерал подает доктору скомканный листок.

— Ого! — восклицает Мак-Ван-Смит. — Я берусь за это дело. Разрешите несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— Что вы пили перед тем, как получили записку?

— То-есть как? — Генерал с трудом припоминает события того утра. — Кажется, коньяк.

— Марка?

— Три звездочки... Не помню!

— Гм... Так... Сколько вам лет?

— Сорок пять!

— Гм... Странно!.. Скажите, чем занималась ваша мать до вашего рождения?

— Простите, но...

— Ваше превосходительство! Только от точности данных ответов зависит успех дела.

— Но я не понимаю, какое отношение?..

— Для дедукции нет ничего невозможного!

— Простите, но...

— Это пока моя профессиональная тайна.

— Ну, хорошо, если это так необходимо, я вам скажу... Э... э... — генерал нерешительно мнетя. В сторону адъютанта: — Господин поручик, не угодно ли вам сказать шоферу, что мы скоро поедem.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Поручик удаляется.

Генерал с достоинством поворачивается к Мак-Ван-Смиту:

— Моя мать занималась искусством... Ммм... Изящным искусством... Ммм... В области, как бы вам сказать...

— Благодарю вас! Вполне достаточно. Бумажку оставьте здесь. Также попрошу вас...

Мак-Ван-Смит делает какое-то движение. Слышен сухой щелк в черной камере, стоящей на треножнике около стола.

— Благодарю вас!

— Что вы сделали? — с любопытством спрашивает генерал.

— Снимок вашего носа на фоне лица, — отвечает Мак-Ван-Смит.

— Это... это тоже нужно? — с удивлением спрашивает генерал.

— Безусловно! Теперь все в порядке.

— Но я хотел, чтобы вы мне помогли уехать.

— О, вполне! Отправляйтесь на вокзал завтра вечером. Ваша жизнь в полной безопасности.

— Вы так уверены, мистер Смит?

— Безусловно! Для дедукции нет ничего невозможного. Послезавтра преступники будут в наших руках. До свидания, господин генерал.

Мак-Ван-Смит встает и кланяется.

Когда дверь за генералом закрывается, Мак-Ван-Смит потирает руки.

— Мистер Сандорский, а мистер Сандорский! — зовет он кого-то.

В соседней комнате из-за стола, заваленного ретортами и химическими приборами, поднимается молодой человек, с энергичным, жизнерадостным лицом.

— Я слушаю вас, учитель! — говорит он, входя в комнату.

— Заведите еще раз валик, который я принес вчера.

— Сейчас.

Через минуту из трубы фонографа раздается гулкое шипенье:

— ... Шшшшшшшш... слушайте. Это нужно сделать в пятницу. Тюки на товарной станции... Шшшшшшшш... Чалл чалл... За ваше здоровье, господин Клодель...

Шшшшшшш... по дороге вдоль кладбища в кладовку лаборатории. Смотрите... Шшшшшшшшш...

— Прекрасно, прекрасно, — потирает руки Мак-Ван-Смит. — Мистер Сандорский, вы будете иметь маленькое поручение... Это очень веселое дело.

— Слушаюсь, учитель.

5. Розовый переворот

В городе — безвластие: гарнизон восстал. Розанов скрылся. Партизаны окружают город.

Серый вечер заволакивает город. И в сером вечере напряженность. Слухи:

— Скоро...

— А ты откуда знаешь?

— Да так слышал. „Орел“ грузится.

— Ну-у-у?

Действительно, на пристани большое оживление. На „Орел“ поднимаются тюки с вещами. По льду суетятся гардемарины.

— Собираются в путь, что ли? — пытается выяснить какой-то представитель неизвестно какой власти у часового, стоящего внизу трапа.

— Не знаю, обратитесь к капитану.

„Представитель“ направляется вверх по трапу, но навстречу ему грузная фигура моряка. Тяжелый бас:

— Куда прешь?

— Попрошу вас выражаться повежливее и позвать ко мне капитана.

— Я капитан! Проваливай! Не мешай!

Здоровенный кулак моряка, придвинутый к самому носу робкого „представителя“, комментирует сказанное. „Представитель“ спешит скрыться.

Паххх... паххх... паххх... паххх... паххх... паххх... —
Отдельные отрывистые выстрелы. Ненужные, впустую, в серый туман утра.

Земля, залитая тонким слоем законсервированной изморозью воды, и небо мутное смотрит глазами невыспавшегося дня, и залив застыл над сизым льдом.

И давит небо волнами тумана,двигающимися на город с моря, через бухту.

...Бамбадраммтам бамбадраммтам бамбам бамбам бамбамба...

Пехотный полк крепости целует подошвами булыжник мостовой.

За ним по Алеутской и через главную улицу проносятся грузовики санитарных отрядов рабочего Красного Креста.

. .А еще дальше серой лавой полушубки, патрон-таши, с винтовками за плечами, с знаменем впереди — партизаны с Фроловки, из Шкотова, с Сучана — партизаны из сопок в своих легких и мягких улах.

Штаб крепости уже захвачен, и там заседает только что организовавшийся Военный Совет.

Штерн председательствует.

Обсуждение текущих вопросов в полном разгаре, когда врывается рабочий Матюшин:

— Позвольте мне, товарищи, сказать. Сейчас только что „Орел“ снялся с якоря и уходит с гардемаринами.

— Безобразие! — восклицает Сибирский. — Они хотят улизнуть...

— Остановить их! — твердо произносит Штерн. — Немедленно послать на Русский Остров кого-нибудь из наших и встретить батареей...

Решают послать Адольфа Крастина.

Площадь у штаба крепости постепенно наполняется живой массой. Рабочие, служащие, учащиеся сплотились тесными группами вокруг деревянной трибуны.

В толпе несколько алых плакатов:

ДОЛОЙ
ИНТЕРВЕНЦИЮ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
СОВЕТСКАЯ
ВЛАСТЬ!!!

Вдруг кто-то восклицает:

—Он!

По толпе пробегает точно какая-то волна. И как будто инстинктивно поняв, кого подразумевают под этим словом, тысячи глаз устремляются на трибуну.

На нее входит Штерн. Высокая фигура с гордо откинутой головой. Вошел на трибуну, застыл как изваяние, гипнотизирует толпу одним своим видом.

Настроение приподнятое. Все ждут. Около трибуны Иван Грач, Ветров, Новиков и другие известные всему Дальнему Востоку партизаны.

Здесь, на этой же трибуне, в 1918 году говорил Костя Суханов. Говорил о перевороте. Теперь опять они говорят о том же.

Что ждет их впереди?

Земцы и эс-эры, сформировавшие правительство, разве дадут рабочим волю?

Но вот партизаны!.. Красная армия близка...

И надеждами полнится грудь. Взоры, устремленные на трибуну, ждут. На нее вошел строгий, твердый человек, знающий пути завтрашнего дня. Человек-вождь — Штерн.

— Где снаряды? Скорее! Вот он уже. На виду.

Адольф взволнован. На Русском Острове паника. Артиллеристы растеряны.

— Стреляйте, чорт вас возьми! Скорей! Вы их упустите. Берите прицел!